

И. А. Голосенко**НИКОЛАЙ ТИМАШЕВ КАК ИСТОРИК СОЦИОЛОГИИ**

В социологии русского зарубежья Николай Сергеевич Тимашев (1886–1970) заслуженно занимает почетное место [1; 2; 3; 4]. В юбилейном сборнике в честь приближающегося 80-летия Тимашева его старинный сотоварищ по науке и академическому общению Пителир Сорокин отмечал его «огромное научное наследие в виде почти двух десятков книг и многих сотен статей на русском, английском, немецком, французском, испанском, итальянском и других языках» — и не только по теории права (что соответствовало его университетскому образованию) или по социологии (что отвечало его многолетним научным изысканиям), но и по проблемам религии и церкви, современных идеологий и пропаганде, международных отношений и советоведения, демографии и социальной антропологии, общему и специальному народному образованию и т.п. [5, с. 3]. Дочь Тимашева Т.Н. Бобринская составила избранную библиографию научных трудов (книг и статей) своего отца на русском и иностранных языках общим объемом в 266 наименований и указывала, что кроме перечисленных статей Тимашев написал и опубликовал около двух тысяч публицистических заметок в эмигрантских изданиях: «Руль», «Путь», «Возрождение», «Новое русское слово», «Новый журнал», в некоторых он многие годы работал в качестве редактора [5, с. 55–70].

В своем обзоре вклада русской эмиграции в мировую науку профессор П. Ковалевский называл Н. Тимашева после П. Сорокина «вторым социологом, завоевавшим себе очень крупное место в США» [6, с. 33]. Это верно, но есть две области социологического знания, где они были равны — это социология права (Сорокин даже признавал здесь известное превосходство своего друга) и история общей социологии, в концептуальном построении которой они были во многом солидарны. Что касается первой крупной работы Тимашева на английском языке «Введение в социологию права» (1939), написанной отчасти как продолжение, отчасти как преодоление ряда идей его петербургского учителя профессора Л. Петражицкого, то восхищенные комментаторы отмечали, что эта работа не просто скромное введение, а развернутая программа социологической теории права, не имеющая аналогов в этой области, к тому же построенная очень четко и предельно объективно в своей критической части. Не было на ней и отпечатка узкой специализации: в поисках иллюстраций и доказательств Тимашев легко обращался в сферы антропологии, этики,

Голосенко Игорь Анатольевич (р. 1938) — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Социологического института РАН (С.-Петербург).

Адрес: 198052, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

Тел.: (812) 316-32-70. Факс: (812) 316-29-29. E-mail: inso@ego.spb.su

политологии и психологии социальных групп, внося при этом много нового в перечисленные отрасли общественной науки [5, с. 4].

В области же истории социологии оба наших талантливых ученых органично вписывались в отечественную традицию «историко-критического обозрения социологических учений», представленную именами Н. Кареева, М. Ковалевского, В. Хвостова и других известнейших русских социологов [7, с. 9; 8, с. 19]. Ранних представителей этой традиции Тимашев, по его собственному признанию, читывал еще в гимназии, когда заинтересовался социологией. Позднее, уже в Императорском Александровском лицее, несколько выпускников которого своими трудами украсили отечественную социологию (например, Е. де Роберти), ему довелось на последних курсах слушать «лекции Кареева, правда по истории, но на явно ощутимой социологической основе» [9, с. 242].

В середине 30-х годов Тимашев, по просьбе Сорокина, принял участие в сборе обширного эмпирического материала по истории мятежей и переворотов, реформ и революций, их правовой обеспеченности и беззакония, от античности до начала XX в. Эти обширные данные собирались для четырехтомной «Социальной и культурной динамики» Сорокина. Погружение в глубины истории европейской цивилизации подстегнуло интерес Тимашева к истории социальной философии и социологии. Его раздумья над ней вылились во множество статей, обзоров и рецензий, посвященных критическому анализу теорий многих крупнейших социальных мыслителей прошлого и настоящего – О. Конту, А. де Токвилю, К. Марксу, М. Ковалевскому, Л. Петражицкому, В. Парето, Т. Парсонсу, Г. Гурвичу, П. Сорокину, Л. Стурцо и другим. Но решающим вкладом в историю социологии стала его интереснейшая работа «Социологическая теория: ее природа и развитие», которая вызвала «восторженный прием» и была признана достойной его в силу своей «уравновешенности, единства, четкости» и широкого охвата проблемы [5, с. 5]. Первое издание книги появилось в 1955 г., и затем с некоторыми уточнениями и дополнениями она переиздавалась в 1957, 1959, 1965, 1967 гг. и даже после смерти ее автора – в 1976 г. Количество переизданий книги говорит о постоянной ее востребованности, удовлетворение которой, по верному признанию Б. Джонсона, весьма «обогастило американскую социологию» [10, р. 303]. Почти четверть века эта книга, ставшая классической в своей области, служила образцовым учебным пособием, на котором выросло не одно поколение исследователей-социологов, и не только в американских университетах [5, с. 22]. И хотя рассматриваемый в ней исторический материал завершается первой половиной XX в., с небольшими хронологическими добавками в последующих переизданиях, ее концептуальные замыслы: очерчивание междисциплинарных границ социальных наук и признание законности их эпизодического нарушения, классификация школ и направлений в социологии, поиск путей их теоретической интеграции (он ее называл «конвергенцией») – очень полезны и для читателя конца столетия. Именно в «Социологической теории» Тимашев изложил основы своей концепции истории социологии как научной дисциплины и по возможности последовательно реализовал ее требования в анализе прошлых и современных ему социологических теорий. Чтобы реконструировать эту концепцию и тем самым определить место Тимашева в русской «традиции историко-критического обозрения социологических учений», а также среди современных историков социологии,

нужно рассмотреть три блока вопросов: 1) что именно им изучалось в истории человеческого познания социальной реальности? для чего нужна история социологии? 2) как именно изучался, классифицировался и оценивался отобранный им исторический материал? по каким принципам он отбирался? 3) каковы главные познавательные результаты этого изучения, что открыл Тимашев в самочувствии современной социологической теории? Попытаюсь собрать ответы на все эти вопросы, рассыпанные на разных страницах книги Тимашева.

I

В наши дни на вопрос: «Для чего нужна история социологии?» большинство подлинных профессионалов пожмет плечами, считая ответ очевидным и однозначным. Но в годы создания историко-социологического исследования Тимашева ситуация обстояла несколько иначе ввиду засилья «ползучего эмпиризма», над американским вариантом которого немало произдевались П. Сорокин и Р. Миллс. Тимашев, безусловно, их поддерживал. Вся первую половину XX столетия подавляющее большинство американских социологов, отмечал он, было занято «выкапыванием фактической информации о том или ином аспекте общества, прежде всего собственного» и часто было склонно недооценивать теорию, отождествляя ее с философией и даже праздною спекуляцией. Они наивно полагали, что «эмпирически установленные факты говорят сами за себя, и если их будет собрано достаточное количество, они и будут составлять социологическую науку» [11, р. 3]. Но по мере становления социологической науки ее создатели убедились, что теоретические конструкции и рассуждения имплицитно или эксплицитно (и последнее предпочтительнее для гносеологически здорового состояния дисциплины) играют решающую роль в определении направления исследования, в ориентации наблюдений, в характере описаний и в эмпирических обобщениях, т.е. в умственной организации эмпирических исследований. Однако быстро выяснилось, что для того, чтобы теория успешно выполняла эту организационно-познавательную роль, требуется знание истории ее возникновения и развития, ее исходной, «классической» формы и различных родственных версий, изменений значения терминологии и сдвигов в смысловых акцентах, ее успехов и неудач, ее перспектив на будущее, т.е. знание истории социологической теоретической мысли. Вот почему, по верному мнению Тимашева, история социологии составляет мировоззренческий фундамент теории социологии. С этим мнением охотно согласились бы представители всей русской «традиции историко-критического обозрения социологических учений», особенно настойчиво эту функцию истории социологии подчеркивал П. Сорокин [8, с. 18].

В свете этой идеи Тимашев своей главной задачей считал не показ научного познания социальной реальности в ее тотальности (это по силам только «социологической энциклопедии»), а демонстрацию «развития теоретической социологии как особой мыслительной системы» – процессов возникновения, борьбы, исчезновения или выживания различных теорий. Следовательно, его интересует общая социология, а не ее отдельные конкретные виды, типа социологии религии, искусства, семьи и т.п. Моей целью, разъяснял Тимашев, «является установление сходства и оппозиции идей, выделение случаев параллельного

открытия, обнаружение в прежних теориях предчувствия и зарождения более поздних теорий, а также указание на продвижение к истине в ходе столкновения мнений». При этом историко-социологическое знание не является интеллектуальной «игрой в бисер», наоборот, оно преследует прагматическую задачу – «оно должно предупреждать от ошибок, совершенных в прошлом, оно обязано указывать возможные пути для дальнейшего успешного продвижения вперед» [11, р. 11].

На путях решения этих задач исследователя ожидают серьезные препятствия. Во-первых, если исследователь изберет в качестве предпосылки наиболее для него предпочтительные теоретико-методологические установки, то общая историческая панорама филиации идей будет субъективной и односторонней, ибо «нет ни одного набора теоретико-методологических положений, которые бы бесспорно разделялись всеми социологами» [11, р. 10]. Но в таком одностороннем виде история социологии не выполнит свою роль в построении адекватной общей теории, или выполнит плохо, и для достижения успеха исследователь должен «наступить на горло собственной песне». Вот почему история социологических теорий, резюмировал Тимашев, «трудный объект для изучения» [11, р. VII]. Будучи сторонником объективизма в изучении истории идей, исследователь обязан учитывать все необычайное разнообразие социологических теорий, конфликтующих друг с другом с первых шагов развития науки. Во-вторых, трудности увеличиваются не только в силу обширности и разнообразия материала, но и в силу сложной процессуальности его существования. «Исследование осложняется тем, – писал Тимашев, – что социологические теории развивались по модели, сходной с моделью развития растений: некоторые побеги росли быстро и пускали ветви, другие же рано или поздно засыхали. Ситуация еще более усложняется тем, что помимо разветвления наблюдается тенденция переплетения и слияния. В то время как путем разветвления одна теория дает начало двум или более другим теориям, то путем конвергенции теории, которые вначале были независимыми и давали казалось бы несовместимые объяснения социальной реальности, сближались друг с другом и иногда сливались в одну. А посему попытка схематической генеалогии социологических теорий, – делал Тимашев принципиально важный вывод, – в высшей степени трудна и может скорее затемнить, чем проявить главные тенденции и вклад отдельных ученых» [11, р. 11–12]. Игнорирование этого ценного положения неоднократно ставило следующее поколение историков социологии (Дона Мартиндейла, Чарльза Лумиса и других) в легко критикуемое положение [12, р. 7–12].

Третья трудность «изучения истории идей», по Тимашеву, заключается в том, что развитие идей определяется иногда перекрещивающимися силами двоякого рода. Прежде всего, оно определяется «имманентной детерминацией, то есть более или менее логичным ростом системы идей» [11, р. V]. Новые идеи или вытекают из старых, являясь их логическим развитием, или вступают с ними в конфликт, который Г. Тард называл «поединком идей», а Гегель – борьбой «тезиса и антитезиса», доказывающей их непригодность или создающей синтез более высокого уровня или временную эклектическую амальгаму. Далее, не следует забывать, что идеи создаются, объективируются, аккумулируются и верифицируются людьми. Формулирование новых идей есть род

субъективного изобретения, творчества, интеллектуально отличающих одних авторов от других в этом же поле деятельности. Как убедительно показывает история, в большинстве случаев ученый, способный к изобретениям, во-первых, способен создать больше, чем одно изобретение, а во-вторых, способен приложить его к конкретным ситуациям. Вот почему для истории идей очень важен биографический контекст на социокультурной «подкладке». Сам Тимашев решил не противопоставлять две указанные детерминации идей, а комбинировать их, т.е. «изобрать средний путь» [11, р. VI]. Но это разумное требование осталось благим пожеланием, фактически же он был сторонником интернализма, как и вся русская «традиция истории социологии» от Кареева до Сорокина, и его прежде всего интересует имманентный ход социологических идей в виде плотного и непрерывного процесса теоретического познания учеными социальной реальности. Биографический контекст этого процесса интересует его в относительно меньшей степени, а о зависимости духовного производства от более широкого социального контекста, от таких событий, как мировые войны и революции, говорится глухо и конспективно.

II

С помощью каких же приемов возможно преодоление упомянутых выше трудностей или, другими словами, как следует отбирать и располагать исторический материал? Я уже писал о том, что для историка социологии этот вопрос имеет принципиальное значение, ибо от того или иного выбора зависит тип и структура самого исследования [13; 14]. Тимашев так отвечал на эти вопросы, обосновывая собственный выбор: в обзорах такого панорамного масштаба, какой им избран, возможны три основных способа селекции и расположения материала. «Во-первых, теории могут быть классифицированы по нескольким направлениям или школам на основе способа теоретического решения ими основных проблем социологии», каковыми он считал вопросы – что такое общество, культура и личность; какие отношения между ними существуют; какие факторы детерминируют эти отношения и их изменения; в каких базовых понятиях все это можно и должно анализировать; что такое социология как наука и каковы ее фундаментальные приемы исследования? Среди большинства представителей русской «традиции» истории социологических учений этот прием был особенно популярен, в частности, у Кареева, Ковалевского и других, но особо Тимашев выделил широко известную книгу Сорокина «Современные социологические теории» (1928).

«Во-вторых, теории могут быть показаны в исторической последовательности их появления». Этот хронологический подход удачно использовал В. Хвостов в своем информационно богатом трактате «Социология: Исторический очерк учений об обществе» (1917).

«В-третьих, теории могут быть представлены в соответствии с географическими регионами, где проживали их авторы» [11, р. 12]. И тогда появляются статьи и книги «Французская социология», «Немецкая социология», «Русская социология» и т.п. И таких публикаций множество. Иногда рождаются и сводные работы, которые объединяют очерки разных национальных социологий. Одним из лучших сборников такого рода, как считал Тимашев, была вышедшая

в 1945 г. под редакцией Г. Гурвича и У. Мура «Социология двадцатого столетия». Позднее появились и другие превосходные работы для исторического сопоставления движения социологической мысли по национальным полям [15].

Какой же вариант избирает сам Тимашев? «Я, — отвечал он, — использую комбинацию первого и второго подходов» [11, р. 12]. Подобная комбинация поставила перед ним новые сложные вопросы. Один касался дифференциации школ, направлений и теорий*. Другой — времени появления и продолжительности существования этих дифференцированных элементов и периодизации всего процесса истории социологии. Тимашев, обладавший большим историческим чутьем на факты и склонностью обобщать их без крайностей, предложил не разводить эти вопросы, а совместить. В итоге его обзор истории социологической теории был разделен на четыре периода приблизительно по 25 лет каждый.

Первый (исходный) период, продолжавшийся от рождения социологической науки примерно до середины 70-х гг. прошлого века, являлся, по оценкам Тимашева, периодом разрозненных, пионерских попыток создать новую самостоятельную науку — социологию. Сюда им были отнесены вклады отцов позитивизма — О. Конта и Г. Спенсера и большой группы энтузиастов этого же почина в лице К. Маркса, А. Кетле, Ф. Ле Пле, Г. Бокля, Н. Данилевского и др. Тимашев подчеркивает, что хотя на этой стадии многие теоретики знали некоторые работы друг друга — так, Спенсер, Бокль, Ле Пле и другие знали сочинения Конта, но в целом они воспринимали друг друга с большой долей предвзятости и даже недоверия. Некоторые вообще стояли особняком от многих идейных тенденций — как Бугле и Данилевский. Объединяло социологов этого периода победное шествие идей эволюционизма. Но это был эволюционизм с разными акцентами: у Конта — с подчеркиванием идеологических и демографических факторов, у Спенсера он был вообще космического толка, у Моргана — технологического типа. А Данилевский и Ле Пле выступали против догмы прямолинейной эволюции в пользу циклической теории социальных изменений [11, р. 55–56].

Второй период, по Тимашеву, приблизительно соответствовал последней четверти XIX в. и характеризовался двумя главными моментами — окончательным господством эволюционизма и возникновением множества конфликтующих школ: социального дарвинизма, органицизма, русской субъективной школы, ранних ветвей аналитизма (Ф. Теннис, Г. Зиммель и др.), социологизма (Дюркгейм и его соратники), марксизма, а также борьбой между ними, которая в значительной степени была сосредоточена на вопросе, какой фактор (географический, демографический, экономический или какой-нибудь другой) опре-

* В этом вопросе немало путаницы. Так, Т. Абель, рассматривая вклад Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля и М. Вебера в современную социологическую теорию, был обескуражен поразительным терминологическим разнообразием у историков социологии в классификации названных социологов по школам. В частности, Дон Мартиндейл относил Дюркгейма к «позитивному органицизму», Зиммеля — к школе «социологического формализма», а Вебера — к разновидности «социального бихевиоризма». Тимашев классифицировал Дюркгейма как представителя «школы социологического реализма», Зиммеля относил к «аналитической», а Вебера — к «психологической» школам. А Сорокин объединял их в одну «социологистическую (sociologistic) школу» [12, р. 93–94].

деляет функционирование и эволюцию общества и культуры. Сегодня монофакторный подход повсеместно признан несостоятельным. На втором этапе истории социологической мысли были созданы весьма продуктивные теории об отношениях между личностью и обществом. Работы Л. Уорда, Ф. Гиддингса, Г. Тарда и русской субъективной школы, направленные против догмы «исторической необходимости», подчеркнули, что человек – не марионетка «надперсональных социальных сил», а активный актер на социальной сцене. Из социологов этого периода ближе всего к удачной формулировке систематичной социологической теории, элементы которой остаются полезными и сегодня, подошли, по Тимашеву, Г. Зиммель и Э. Дюркгейм [11, p.125–127].

Третий период – первая четверть XX в. – характеризовался важными потерями и трансформациями в теории. Предшествующее поколение социологов опиралось на ряд посылок, которые считались общенаучными, давали возможность изучения настоящего и прошлого и намечали пути будущих исследований, а именно – послышки эволюционизма, который обеспечивал тесную связь с передовым естествознанием (прежде всего -- дарвинизмом) и был не только теорией социальных изменений, но и социальной статистики, так как любой элемент социальной структуры так же эволюционировал, как и сами структуры. Более того, эволюционизм был и «нормативной теорией», ибо нормативными правами «естественного, должного и желанного» награждалось то, что в ходе эволюции появлялось неизбежно. В начале XX в. теория эволюции разлетелась на куски. «Этот коллапс, – отмечал Тимашев, – не имел прецедента в истории социальной мысли» [11, p. 184]. Социология впервые с момента возникновения потеряла общетеоретическую ориентацию. Постепенно стала возникать мысль о необходимости создания других, менее универсальных типов теории. С одной стороны, появляется надежда на спасение на путях концентрации исследовательских усилий в области эмпирических исследований. Возник ранний неопозитивизм, наиболее перспективной в нем казалась школа бихевиоризма. С другой стороны, широко распространяется вера в то, что наибольшее значение будут иметь варианты «изучения индивидуального участия в социальной жизни», на место старых союзниц социологии предшествующего периода в лице физики и биологии приходит психология: Ч. Кули, В. Парето, М. Вебер и мн. др. Но Тимашев замечает – отсутствие общепризнанной психологической теории не помогает выходу из кризиса. Так, бихевиоризм рьяно отрицал интроспекцию, Кули опирался на психологию «здравого смысла», Парето – на инстинктивизм, подчеркивая нелогичные, иррациональные аспекты человеческого поведения в отличие от Вебера, который выпячивал роль целерациональных элементов [11, p. 185–186].

Четвертый, современный период занял у Тимашева самый большой объем книги, он больше первого периода почти в три раза. Прежде всего Тимашев фиксирует факт, характерный и для предшествующих периодов 0151 наличие ряда конкурирующих точек зрения относительно социологии, ее границ и междисциплинарных связей, адекватных способов объяснения социальной реальности, ее целостности и изменения. Он критически анализирует неопозитивизм (Д. Ландберг, С. Додд и др.), социометрию (Ж. Морено и его последователи), функционализм (Р. Мертон, Л. Девис, В. Уорнер и др.), «аналитическую социологию», куда объединяет усилия П. Сорокина, Т. Парсонса, Р. Мак-Ивера,

Р. Миллса и др., «философские школы» (феноменология разных ветвей и оттенков), «историческую социологию» (П. Сорокин, А. Тойнби, М. Вебер и др.). Рассмотрение этих направлений и школ привело его к обнаружению в четвертом периоде того нового, что отсутствовало в других периодах. Хотя ситуация противостояния разных теорий сохранилась, «поединок идей» стал не столь острым и напряженным, каким он был в XIX в. Сегодня социологи разных направлений и стран одинаково понимают и используют в объяснительном смысле ряд положений, которые обычно включаются в общую социологическую теорию, несмотря на то что часто они оперируют различной терминологией [11, р. 10; 18, р. 25–33, ср. 19]. Сорокин также подхватил эти рассуждения и утверждал, что с середины XX в. заметна тенденция уменьшения масштаба теоретического несогласия и увеличения степени совпадения и «субстанционального согласия» [8, с.20]. Оба социолога считали, что создание единой теоретической модели интегрального толка, с неизбежными вариациями по культурно-национальным признакам поможет современной социологии преодолеть многие трудности, но Сорокин полагал, что лучшей моделью является его собственная интегральная социология, хотя как настоящий ученый он не хотел ее канонизировать и признавал критику, если она носила конструктивный характер. А Тимашев, при всем своем уважении к заслугам Сорокина перед социологической наукой, неоднократно указывал на некоторые гносеологические просчеты его модели и неадекватность выводов, делаемых из нее [20, р. 247–275]. Он подчеркивал, что создание интегральной модели, которая привлечет в ряды своих соратников большинство социологов – дело далекого будущего.

III

Каковы же главные итоги проведенного Тимашевым историко-социологического расследования? Он считал, что на последнем этапе развития социологической науки были свои просчеты и познавательные несурезицы, но были достигнуты (и это самое важное!) некоторые позитивные результаты, из которых он выделил то, что назвал возникновением «сферы согласия» и уточнением «базисной арены» социологических исследований [11, р. 303–308]. Рассмотрим кратко эти выводы.

«Сферы согласия» охватывают ряд положений: если раньше обсуждался вопрос – чем социология «должна быть», то теперь дискуссии касаются того, чем она реально стала за три предыдущих периода развития. Подавляющее большинство социологов объекты изучения собственной науки рассматривают ныне как явления *sui generis*, т.е. не редуцируемые к другим не социальным явлениям, например, психологическим или физическим. основополагающий социальный феномен, составляющий единицы социологического анализа многих явлений, большинством социологов идентифицируется с взаимодействием между двумя и более человеческими существами в ходе их деятельности. Повторяющиеся взаимодействия составляют «социальные отношения», их комбинация – социальную структуру и стратификацию, а их изменение – социальную динамику. Особая «сфера согласия» – достижение понимания и связи между социологией, социальной психологией и культурной антропологией и признание важности междисциплинарного подхода [18; 19].

Другая важная черта современной социологии связана с конституированием в ней четырех «базисных арен» исследований, которые включают в свой состав: 1) изучение многочисленных вариантов социальных групп как статичных форм человеческой деятельности; 2) изучение социальных процессов (кооперация, консенсус, конкуренция, конфликт и т.п.); 3) изучение культуры (не смотря на изобилие разных точек зрения относительно понятий и функций культуры, степени и форм ее интеграции, глубокая взаимосвязь социального и культурного общепризнанна); 4) изучение социального изменения, особенно долговременных глобалистских трендов. Но выделение этих общих арен исследовательских усилий еще не означает, как полагал Тимашев, что близок день, когда все социологи будут во всем согласны друг с другом. Такой ситуации нет ни в одной науке. «В социологии наличие тенденции конвергенции является фактом, но общепризнанная теория остается идеальной целью» [11, р. 310].

Для каждого из четырех периодов Тимашев старался подобрать наиболее типичные и влиятельные направления и школы, а также вскрыть взаимосвязи между ними. С целью более выпуклого показа процесса развития социологической теории он делал акцент на устойчивых моментах, на процессах аккумуляции знания, азартного, диалектического углубления в социальную реальность, а также на возрождении некоторых теорий в новых условиях и формах. Выясняя элементы пролонгирования теорий из прошлых периодов и сохранения их в последующих, Тимашев неожиданно прибегает к отвергаемому им же приему «соотношения теорий с географическими регионами их появления». Так, в одной из заключительных глав он рассмотрел школу Э. Дюркгейма во Франции и «формальную школу» в Германии, что же касалось материалов российской социологии, то они были разбросаны по всем четырем периодам.

Среди удачных технических приемов Тимашева как историографа социологической мысли следует отметить два. Во-первых, информация о ряде школ и теоретиках венчается энергично написанной ретроспективной оценкой их с точки зрения современной социологии, что в умеренно-должной форме актуализирует прошлое. Во-вторых, многие разделы книги сопровождаются заключением, т.е. Тимашев занимал не чисто описательную, идиографическую, а нометическую позицию.

В заключение приведу слова ученика Тимашева, профессора Дж. Шойера, о стиле историко-социологического мышления своего наставника из его статьи «"Социология" Н.С. Тимашева»: «У него ни одна теория, ни один метод никогда не бывает никчемным. Каждая схема изучения человеческих поступков может дать новый поворот их понимания. От одной крайности – социального дарвинизма, до другой – математических формул неопозитивистов, как Додд и Зипф, каждая теоретическая точка зрения считается достойной обсуждения и подлежит разбору...» [20, с. 124]. И именно потому, что все они есть моменты – абсолютные и относительные, объективные и субъективные, логически четкие и неясные, целостные и фрагментарные, быстротечные и длительные – общего процесса получения научного социального знания. О таком подходе к процессу социологического познания свидетельствует каждая страница и раздел «Социологической теории». Шойер полагал, что «социология будущего», т.е. второй половины XX столетия, в которой в изобилии возникнут новые социальные системы и идеи, обязана будет усвоить подход Тимашева, который при-

знавал необходимость тщательного изучения существующей де-факто множественности парадигм для приближения к идеальной цели – интегральной теории.

Литература

1. Bierstedt R. N.S. Timasheff (1886–1970) // *American Sociologist*. 1970. № 5.
2. Goul R. N.S. Timasheff (1886–1970) // *Russian Review*. 1970. № 29.
3. N.S. Timasheff // *National Encyclopaedia of American Biography*. Clifton, N. J.: James T. White, 1973.
4. Дойков Ю.В. Николай Тимашев и Россия // *Социологические исследования*. 1996. № 7.
5. На темы русские и общие: Сборник статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева / Под почетной ред. проф. П.А. Сорокина; Под ред. проф. Н.П. Полторацкого. Нью-Йорк: Изд. Общества друзей русской культуры, 1965.
6. Ковалевский П. Наши достижения: Роль русской эмиграции в мировой науке. Мюнхен: Изд-во ЦОПЭ, 1960.
7. Голосенко И.А. Историко-социологические взгляды Н. И. Кареева // Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.
8. Голосенко И.А. Питирим Сорокин как историк социологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998. Том I. № 4.
9. Тимашев Н.С. Как я стал социологом // *Социологические исследования*. 1994. № 4.
10. Johnston B. V. P. A. Sorokin: An Intellectual Biography. Lawrence, Kans.: University Press of Kansas, 1995.
11. Timasheff N.S. *Sociological Theory: Its Nature and Growth*. Revised ed. N. Y.: Random House, 1965.
12. Sorokin P.A. *Sociological Theories of Today*. N. Y. and L.: Harper and Row Publishers, 1966.
13. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Под ред. Г. Беккера, А. Боскова. М.: Изд-во иностр. лит., 1960.
14. *National Traditions in Sociology*. L.: Sage Publications, 1989.
15. Abel T. *The Foundation of Sociological Theory*. N. Y.: Random House, 1970.
16. Timasheff N.S. *Sociological Theory Today* // *American Catholic Sociological Review*. 1951. Vol. 11. № 1.
17. Timasheff N.S. *The basic concepts of sociology* // *American Journal of Sociology*. 1952. Vol. 58. № 2.
18. Sorokin on Law, Revolution, War and Social Calamities // P.A. Sorokin in Review / Ed. by Ph. J. Allen. Durham N.C.: Duke University Press, 1963.
19. Тимашев Н.С. Научное наследие П. А. Сорокина // *Новый журнал*. [Нью-Йорк.] 1968. № 92.
20. Шойер Дж. Социология Н. С. Тимашева // *Социологические исследования*. 1994. № 4.